

Из опыта составления карт по древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии

В советской исторической картографии большое внимание уделяется древней и средневековой истории стран Азии и Африки. Среди зарубежных картографических работ лишь единичные посвящены этим районам. К ним относится устаревший и примитивный атлас А.Хермана¹ не выходящий за рамки историко-географической традиции и все же до настоящего времени повсеместно используемый – и переиздаваемый. Интересен атлас истории Японии профессора Кодама Кото²; на основании обширного археологического материала автор выполнил детальные историко-экономические реконструкции, приближающие карты этого атласа по содержанию к общеисторическим картам, издаваемым в СССР. В зарубежных атласах всемирной истории последних лет появляются карты по истории Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА), но все они мелкомасштабны, охватывают большие периоды и основаны в большинстве на атласе А. Хермана.

Разработка и составление карт по истории ЮВА, осуществлявшиеся совместными усилиями авторов данной статьи – специалистов историка и картографа, позволяли находить некоторые более рациональные формы подачи материала. При этом возник ряд проблем, общих для справочного исторического картографирования малоизученных районов и периодов. Целью настоящей статьи и является освещение опыта подхода к их решению.

Остановимся вначале на систематизации и орфографической подаче археологических материалов, чрезвычайно важных в первую очередь для истории стран и периодов, по которым письменная информация отсутствует, или имеется в небольшом объеме. Сопоставление археологических данных по локализации памятников при картографировании дает выводы, которые не могут быть получены иным путем.

Использование археологических материалов как по дописьменной, так и по письменной истории должно быть максимальным, так как они при относительно малой информативности конкретного факта не подвержены искажениям, как данные

---

¹ A. Herman. Historical and Commercial Atlas of China. Cambridge, University press 1935.

² Кодама Кото. Нихон рэкиси тидзу (Исторические карты Японии). Атлас для университетов. Изд-во Токийского университета, 1965.

письменных источников при переписывании. Лишь широкие сопоставления позволяют дать широкие обобщения; но для этого необходим, помимо привлечения как можно большего числа фактов, их направленный отбор и логически стройная подача на историко-археологической карте, чтобы наряду с широкими обобщениями читатель получил возможность сделать картографические выводы. Так, карта распространения массовых категорий предметов, типичных для группы культур, дает больше, чем данные кантом или фоновыми пятнами ареалы распространения тех же культур: читатель получает возможность самостоятельно сделать обобщение по картографическим материалам; составленная таким образом карта сама явится своеобразным источником. Преимущества такого подхода обнаруживаются при показе интенсивности заселения, степени экономической освоенности тех или иных районов, степени родства культур (через взаимовстречаемость предметов). Читатель получает также информацию о связи с рельефом (поселения в предгорьях, на побережье и т.д.) что дает косвенный материал для оценки экономики описываемых обществ. Но на наших картах отражается и неравномерность археологической изученности ЮВА, что затрудняет правильное восприятие заселенности, хозяйственной освоенности территории и т.п. Тем не менее районы наиболее древней государственности в ЮВА на историко-археологических картах уже при данном уровне исследования выделяются скоплениями археологических памятников, позволяющими судить об их первоначальных границах.

Возникновение классового общества археологически регистрируется находками надписей, печатей, регулярных укреплений и храмов, и т. п. Важны археологические данные и для контроля письменных источников. Так, материалы раскопок в Окео позволили расширить (по дальности и по числу торговых контрагентов) представления о торговых связях кхмерской империи Фунань.

Каково место историко-археологических карт в системе исторических знаний? Для читателя-специалиста это определенная, специфически (через карту) воспринимаемая сжатая систематизированная информация об уже известных исторических данных, обладающих пространственными характеристиками. Для читателя-неспециалиста или специалиста по соседним странам это новая информация. Наконец, для читателей и авторов-специалистов это орудие исследования. Выявляются белые пятна (например северный и центральный Индокитай), прослеживается географическая специфика отдельных стран (разная тенденция локализации населенных пунктов, разные направления расширения границ и т. п.). И, что особенно

важно, ведутся сопоставления для больших отрезков времени, в масштабах по меньшей мере страны и по закономерностям группы стран. Видимо, нельзя эти обобщения делать без таких карт, так как существуют стороны исторического процесса фиксирующиеся лишь на карте.

Основные материалы для картографирования по древней и средневековой истории содержатся в письменных источниках. Но данные этих источников единичны, не массовы, подвержены искажениям при переписывании или переводе с одного языка на другой, зависят от тенденциозности автора и проч. Поэтому при работе с ними необходимы предварительные выделения наиболее устойчивых единиц информации; разработка системы взаимопроверки письменных источников, составление шкалы их надежности для картографирования; создание принципов, по которым одни транскрипции могут предпочитаться другим; определение круга неписьменных источников, контролируемых письменными.

Не претендуя ни в коем случае на решение перечисленных проблем, остановимся на некоторых их аспектах.

Данные о топонимах (названия рек, гор, городов) более устойчивы, чем данные о динамике (походы, сражения), ибо искажение вторых, порой намеренное, требовало сохранения неискаженными первых как основы, так как в противном случае терялся смысл искажения. В общем плане топонимика бесспорно всегда более устойчива, чем память о том или ином событии; в некоторых случаях топонимика может являться свидетельством того или иного события (изменение топонима оказывается порой свидетельством более надежным, чем соответствующее упоминание в летописи). Как правило, местные источники надежнее иноземных, а данные эпиграфики надежнее данных нарративных источников, особенно поздних.

Более ценной представляется местная транскрипция; если же она отсутствует, то при выборе из нескольких иноземных транскрипций предпочтительна максимально близкая к языку картографируемой области. В случае различных иноземных чтений одного топонима выбирается наиболее сходное с местным по фонетическому составу; если язык древнего населения не известен – желательно избрать тот, звучание которого наименее этнически окрашено (наиболее нейтрально этнически), т. е. не навязывает читателю предпочтения одного из соперничающих этносов.

Необходимо отметить исключительную важность данных археологии, позволяющих вплоть до XIV – XV вв. проверять надежность сообщений письменных источников. Например, о присоединении тех или иных территорий к тому или иному

государству можно судить по распределению храмов и изображений богов соответствующих религий, по формам погребений и пр. И, что еще более важно, картографирование само дает в руки ученых мощный рычаг исследования - прослеженные с его помощью историко-географические закономерности. Так, в Европе естественными пограничными рубежами были реки, а в других районах, в данном случае ЮВА, эти функции выполняли водоразделы. Естественно, что в странах с развитым орошаемым земледелием, с системой каналов и дамб долины рек, в том числе больших, особенно в их нижнем и среднем течении, были центрами этнических групп и государств. Об этом говорит вся история ЮВА в древности и в средние века. Подобные закономерности могут и должны использоваться при рассмотрении спорных случаев, когда данные источников слишком общи или неясны.

Другой пример понятия географической и историко-географической близости в таком островном мире, как Индонезия. Там основные пути сообщения - морские; центральнаяванские империи сравнительно легко подчиняли и удерживали островные владения и части островов за сотни километров от Явы (историко-географическая близость) и в то же время не могли ни захватить, ни оказать существенного культурного и этнического влияния на западную часть того же острова Ява (географическая близость). Этим объясняется подчинение обычно части острова, расположенной в бассейне отдельной реки, а не целого острова (остальные же части практически не контактировали по суше с захваченной частью и не влияли на ее судьбу).

Особая и сложная проблема -- передача на картах этнического состава, так как точных данных почти никогда нет, особенно для народов с доклассовой структурой. Затрудняет решение вопроса и то обстоятельство, что этнос далеко не всегда совпадает с ареалом распространения археологических культур или рамками государства. Чрезвычайно сложны проблемы этнических стыков.

Опыт работы дал некоторый материал для частичного решения этих проблем и выявления задач дальнейшего исследования. Такие процессы, как распространение вьетнамского этноса на юг, аналогичные движения тайцев и бирманцев, дали общую картину движения на юг по долинам больших рек и к морскому побережью; наметились и этапы этих движений. Одновременно удалось проследить процессы расширения территории проживания господствующего этноса соответствующего государства (расширение территории бирманцев за счет монов в Бирме и др.). Но в целом наблюдения такого рода усложняются неразработанностью в этнографии и

палеоэтнографии проблем стабильности и размываемости этносов, темпов их исчезновения и т.д.

При разработке вопросов этногенеза картографу помогает археология, к сожалению, еще не располагающая применительно к ЮВА достаточными данными для конкретной локализации всех контуров древних этносов. Приходится прибегать к ретроспективным реконструкциям, теории которых в этнографии и в археологии еще не разработаны.

Специфическая проблема картографирования этносов – установление их названия. Зачастую они давались соседями, на их языке; для средних веков мы порой не располагаем иными названиями. Порой для одной части этноса есть названия, данные носителями этого этноса, а для другой части – название, данное соседями, более популярное в литературе и устойчивое. Нередко бытуют, иногда совпадая во времени, различные этнонимы одного народа. Все это заставляет давать (в той или иной форме) все разновидности названий, в то время как применительно к государствам, как единицам более конкретным, чем этнос, можно пользоваться одним, наиболее популярным названием.

Косвенно помогают исследователю развитых этносов присущие им те или иные культурные или религиозные особенности, проявляющиеся в устойчивых и слабо искажающихся фактах. Такими фактами являются названия населенных пунктов, сведения о тех или иных специфичных для данного этноса богах и др.

Существуют и более специальные случаи при картографировании этносов. Остановимся применительно к определению границ этноса на таком примере. Располагая этнической картой Бирмы, списком и координатами приблизительно тысячи различных наиболее почитаемых храмовых сооружений, один из авторов проделал следующую работу. Все храмы были разделены по функциям (пагоды, ступы, монастыри и т.п.), картографированы и распределены по векам. Оказалось, что в небирманских районах северной и центральной Бирмы храмовых буддийских сооружений практически нет. Это позволяет сделать вывод, что буддийские религиозные сооружения – этнический знак бирманцев (XIX в.). Все многообразие религиозных сооружений характерно лишь для наиболее развитых районов проживания бирманцев. На остальной территории их современного проживания представлена лишь одна, самая массовая категория религиозных сооружений – пагоды. Это – территория позднего расселения бирманцев.

Установление границ этносов и динамики их распространения помогает выявить многие историко-географические закономерности.

Проблема границ – одна из главных проблем исторической картографии. Особенно сложна она в специфических условиях древней и средневековой Юго-Восточной Азии. За границу в данном регионе, с некоторыми исключениями, принимается применительно к древности и средним векам зона шириной 10 или более километров, за которой начинается внутренняя юрисдикция соседнего государства, но не обязательно полностью прекращается юрисдикция исходной страны. Расплывчатость понятия границы в данном случае – следствие двух причин: неясности в большинстве случаев способа маркировки границ в древности и средневековье, неточности наших знаний о границах, существовавших в эти периоды.

Самое сложное при решении этой проблемы – механизм выявления границ по конкретным данным (археологическим памятникам, письменным источникам, данным лингвистики, фольклора и пр.).

Для древности и средневековья огромную роль в картографировании границ играют археологические памятники (от прямых указаний – пограничных столбов Малайи, до косвенных указаний – специфических китайских глиняных изделий, распространение которых позволяет судить о местах реального проникновения значительных групп китайцев). Предметы обихода регулярной армии и чиновничества, определенные типы военных и административных зданий, специфические ритуальные изделия - все это, не говоря уже о надписях, дает возможность судить о политических границах; распространение монет, посуды, украшений, орудий труда говорит об экономических связях.

Огромную помощь в установлении границ оказывает топонимика, в первую очередь названия населенных пунктов. Они дают и границу этноса, и границу государства (если соседнее государство иноэтническое), а также порой старые границы и зоны распространения исчезнувших этносов³.

Порой топонимика отражает длительную политическую ориентацию, культурную ориентацию, время заселения данной области новой этнической группой. Так, топонимика области Лампонг на южной Суматре, области исторически связанной с яванскими империями, на добрую четверть состоит из названий восточнаяванских княжеств, имен тамошних политических деятелей, их титулов и пр. По этим

---

³ См.: Деопик Д.В., Членов М.А. Топономия и язык (к проблеме выявления субстратных топономических ареалов). "Советская этнография", 1970, № 3, с. 62-74.

топонимам можно уточнить и границы Лампонга, и время его наиболее интенсивных контактов с яванскими империями. Во Вьетнаме определенные виды названий деревень появились только в XVII в. Районы преобладания соответствующих названий – районы позднего заселения. Есть топонимические данные и более широкого характера, но по более отдаленным временам. Так, детерминатив «муара» (устье) в названиях населенных пунктов Индонезии встречается только в местах, связанных с первыми государствами архипелага. Формирование этого ареала заканчивается приблизительно со становлением морской империи Шривиджайя. Поскольку топонимов этих больше, чем упоминаний в надписях о древнейших государствах, они позволяют уточнить данные письменных источников. Мало того, распределение топонимов с детерминативом «муара» на рельефе Явы и Калимантана говорит о том, что носители этого топонима были земледельцами, прибывшими с моря, так как соответствующие поселения расположены в долинах рек от устья до предгорий, где кончаются районы с поливным рисоводством. На Суматре – исконном центре малайцев – топонимы с тем же детерминативом «муара» фиксируют обратное направление миграций – из земледельческих районов гор и предгорий вниз по крупным рекам в равнинные области приморской низменности.

Аналогичную роль играет картографирование памятников религиозного культа (храмы, статуи и др.). Так, храмы средневековой Камбоджи до X в. строго следовали за распространением кхмерского государства, а потом стали «отставать». В пределах средневековой Бирмы латеритовые⁴ храмы очерчивают границы монского государства Раманнадеша, а буддийские храмы севера до XIII в. также очерчивают пределы империи Паган.

Для приближенной оценки границ этносов в древности чрезвычайно интересны данные картографирования различных экономических факторов, обычно устойчивых. В сочетании с материалами письменной истории они дают базу для важных выводов. Так, на основании сообщений ряда экспедиций были восстановлены древние леса, нанесены пределы распространения различных полезных растений и домашних животных в южном Китае. При сопоставлении этих данных с картой археологических находок и письменными источниками установлено следующее: вертикаль Хуанхэ, Сычуань, Юньнань, северный Вьетнам – зона, где леса в значительной степени сведены давно. Окруженная с востока и запада древними лесами, эта зона, с одной

---

⁴ Латерит – богатая окислом железа почва, в определенных условиях твердеющая до плотности кирпича.

стороны, имеет ряд особенностей, типичных для севера (причем чем южнее, тем меньше северных растений, лошадей и проч., позднее даты вещей китайского производства), с другой стороны - ряд особенностей материальной культуры и искусства, типичных для предков вьетнамцев на юге.

Добавив к этому данные о династийных связях правящих домов государства Аулак в северном Вьетнаме и государства Шу в Сычуани, мы получим картину древних меридиональных связей в последние века до н.э., что позволяет уточнить историю этого района, определить границы зоны культурного влияния предков вьетнамцев.

При выявлении контура границ огромную роль играет физическая география, так как границы почти всегда шли (особенно на ранних этапах государственности) либо по труднодоступным, либо по ненаселенным районам; порой и то и другое совпадало. Необходимо напомнить, что общих для всех времен и народов физико-географических признаков границ нет. Но для каждого большого района в пределах длительного, естественно выделенного исторического периода физико-географическое содержание понятия границы стабильно, оно не зависит от этнической принадлежности и социальной структуры обществ, этот район населяющих. При этом стабильных понятий границы может быть одно, а может два и более. Установив конкретное понятие границы, исследователь получает возможность реконструировать политические, экономические и иные границы прошлого.

Для ЮВА типично прохождение границ государств по малолюдным, обычно горным районам, населенным племенами с первобытным строем. Это во многих случаях определило и характер границы, весьма неустойчивой. Этим границы средневековой Юго-Восточной Азии отличались от границ средневековой Европы, где в условиях сравнительной доступности почти всех районов, при более единообразной плотности и социальной структуре населения, при отсутствии крупных ирригационных систем, подобные племенные «прокладки» не получили распространения.

В исследованиях подобного рода особую роль играет ретроспективная реконструкция относительно точного контура древних границ на основе контуров границ современных (или границ XIX в.). В связи с этими достаточно популярными ретроспекциями встает вопрос об историческом понятии границы устойчивой и границы неустойчивой. Не анализируя причин устойчивости и неустойчивости, каждый исследователь может для отдельной страны в рамках большого отрезка времени установить неизменные (практически неизменные) или устойчивые участки и изменяющиеся (в ту или иную сторону) или неустойчивые участки. Независимо от

того, удастся ли (и возможно ли) установить для данной страны или группы стран закономерности возникновения устойчивых и неустойчивых участков границы, само установление этих участков для одной страны должно сделать ретроспект, к которому столь часто прибегают в исторической картографии, если не более надежным, то во всяком случае, отражающим ту степень надежности, с которой он выполнен.

Теоретически очень интересно было бы выделить наиболее устойчивые границы в пределах региона Юго-Восточной Азии и установить общие причины устойчивости. Однако на современном уровне исследования еще невозможно дать строгую дефиницию понятия границы, так как не существует единого фактора, определяющего рисунок границы, а всегда действует комплекс факторов; они определяют и рисунок границы, и само понятие границы. Определение понятия границы и анализ границ должны быть комплексными, а это делает необходимым рассмотрение всей проблемы, как проблемы исторической, социальной.

Такое понятие, как государственная граница, формируется в трех крупных (но далеко не единственных) областях общественной жизни: этнос – государство – граница; земельные владения – государство – граница; табуированная территория святилища (кладбища) – государство – граница. Не случайно в каждой группе присутствует государство; без него понятие государственной границы бессмысленно. Но само понятие государственной границы в его возникновении и развитии не сводимо только к государству; оно, как и многие другие атрибуты классового общества, вышло из доклассовых общественных норм и понятий. Как нам кажется, подойти к научному, марксистскому пониманию государственной границы в древности и средневековье можно путем последовательного восстановления содержания этого понятия в конкретных средах в определенные периоды прошлого. Один из путей такого восстановления – определение групп понятий типа трех, названных выше.

Генезис понятия границы в конкретном обществе определяет его содержание (но, естественно, не объем территории, входящей в эти границы). Будучи результатом комплекса причин, действующих одновременно в различных социумах по обе стороны границы, последняя при отсутствии фиксированного и признанного международного права, т.е. средневековая граница, даже точно маркированная, была понятием неустойчивым.

Рассмотрим средневековый Вьетнам. На севере, на стыке с Китаем граница шла по территории племен «двойного подчинения», на юге Вьетнам отделяло от старого противника – Чампы – «дикое поле», на юго-западе находились непроходимые горные

леса, исключавшие, как правило, и контакты и конфликты с Камбоджей. И это только у одной страны. А ведь все ее соседи имели такие же разнохарактерные по сути и по форме границы.

Общая особенность средневековых границ – отсутствие договорной основы в современном понимании слова, хотя большинство важных участков средневековых границ, участков, где близко сходились жизненно важные районы различных государств, было зафиксировано договорами или односторонними актами сторон. При установлении линии границы также не было фиксированных критериев. Помимо основного фактора – силы, в средневековой Юго-Восточной Азии имели значение и другие, вступающие в действие при военном равенстве сторон. Так, в XI в. граница Лансанга (Лаос) и Дайвьета (Вьетнам) была установлена по этническому принципу с довольно объективным критерием – конструкция жилищ. Районы с домами на столбах отошли к Лансангу, с домами на наземных фундаментах – к Дайвьету.

Если понятие границы не отличалось точностью, то для способа маркировки характерно разнообразие, что при исследовании приводит к неточностям. Идея маркировки (хотя бы ключевых участков границы) столь же стара, как и классовое общество. Наиболее известный пограничный знак в ЮВА – бронзовая колонна на побережье в центральном Вьетнаме, обозначающая, как пишут хронисты, южную точку границы империи Хань в I в. н.э. Позднее государственные границы проходили по границам земельных угодий деревень-общин, названия которых записывались в соглашениях (Дайвьет – Китай, XI в.). Поскольку земли общин были неделимым целым, приписывание данной общины Дайвьету делало северную границу ее земельных угодий северной границей Вьетнама.

В дальнейшем на смену этому принципу пришла маркировка столбами с надписями; это делали смешанные пограничные комиссии, чьи решения о маркировке и рисунке границ утверждались монархами. Сама идея маркировки земельных владений столбами с надписями - древняя; еще в VI в. в Индии, в VIII в. в Камбодже зафиксированы такие каменные столбы. Они использовались для маркировки границ в Малайе и в XIV в. и позже. Во всех этих случаях точно маркированы либо наиболее важные участки границ (частыми столбами), либо точки на границах, если последняя считалась второстепенной.

При маркировке широко учитывался и использовался рельеф и местные условия. Искусственная маркировка производилась, по-видимому, лишь в плотно- и средненаселенных районах. В редконаселенных районах, по которым проходила в то

время большая часть границ, функции границ выполняли водоразделы, горные хребты, непроходимые леса. Подобные районы были обычно заселены отсталыми племенами, никому практически не подчиненными, во владении которых заходить было опасно. Они и являлись своеобразной пограничной стражей. По мере развития сельского хозяйства, роста численности населения происходил размыв этих прослоек и смыкание различных этносов или их частей. Тогда появлялась маркированная граница. В связи с упомянутой выше нестабильностью и стабильностью границ непосредственные стыки плотнонаселенных районов двух стран были в средние века местами малой стабильности границ и наиболее точной их маркировки.

Географические данные составляют весьма важную и, главное, весьма устойчивую группу фактов, освещающих военно-политическую историю, причем последние касаются как статики (единичные факты), так и динамики (серии разновременных единичных фактов). Подобные серии картографированных фактов по различным областям истории позволяют фиксировать область формирования государства и классового общества (археология - зона распределения однокультурных предметов, типичных для классового общества; данные письменных источников; топонимия; экономико-географические факторы). Можно гипотетически указать, например, некоторые географические признаки государств по сравнению с союзом племен: большая стабильность названия во времени и меньшее число его вариантов в сообщениях соседей, наличие небольшой устойчивости центральной (исторически) территории, наличие одного города-столицы, упоминаемого чаще других, и т.д. Карта дает (в статике и динамике) сведения о других явлениях, присущих классовому обществу. Так, распространение ислама в Индонезии в XII – XIV вв. прослеживается путем картографирования вновь находимых мусульманских надгробий с датами.

Динамика исторического процесса особенно хорошо прослеживается при картографировании обычно точно локализуемых фактов военной истории. В этой сфере историку, как кажется, надежнее иметь дело с точечной информацией (куда войска пришли, где сражались, что осаждали), чем с линейной (каким путем шли и пр.). В связи с этим выбираются и менее определенные термины и средства локализации на карте (направление, путь и т. п.). Для линейной информации большую роль играет также учет физико-географических условий и традиционных путей этого района (ретроспективный подход). Примером сложности получения и нанесения линейной информации может служить поход фунаньского правителя Фань Шимана в юго-западную часть Индокитайского полуострова: известны время и конечные точки

похода, приблизительный же путь проведен по тем местам, где "всегда ходили", обходя непроходимые по сей день районы.

Очень часто пределы тех или иных завоеваний и походов, установление их успешности (и вообще реальности) достигается картографированием археологических или других массовых фактических данных с небольшой информативной ценностью единичного факта. Так, поход китайского полководца во Вьетнам в середине I в. н.э. описывается в китайских хрониках как завершившийся в центральном Вьетнаме, в то время как погребения китайцев, поселившихся здесь после похода, не выходят на юг за пределы северного Вьетнама. Они, таким образом, подтверждают историчность похода, но корректируют данные о его маршруте.

В связи с этим нужно сопоставить данные по военно-политической истории, содержащиеся в нарративных источниках и в эпиграфике. С одной стороны, столь необходимое порой отнесение конкретного географического пункта, к более широкому и более известному географическому понятию (область) встречается в основном в нарративных источниках (сопоставим, например, бирманские хроники XV в. и эпиграфику XI – XIII вв.). Зато «узкие» географические данные эпиграфики имеют точные даты, в то время как в нарративных источниках даты неточны; отнесение конкретной точки к широкой области порой сопровождается хронологической абберацией, когда точка и область относятся к разным эпохам, причем область – обычно к более поздней.

Очень много дает картографирование важных, но обычно плохо описанных в источниках народных восстаний. Тщательное картографирование, наложение различных карт позволяет существенно расширить наши знания об этой важной стороне истории общества. Закономерности связи восстаний с характером экономической деятельности населения особенно помогают в реконструкциях, крайне важных в связи с затуханием этих связей в древних источниках, проникнутых классовой тенденциозностью хронистов. Распределение пунктов восстаний на рельефе, на карте растительности, на этнической карте, на экономической карте дало многое при изучении восстаний вьетнамских крестьян. Порой даже ход затяжных восстаний уточняется через последовательное картографирование их на различных этапах. Это же может быть сделано и применительно к феодальным мятежам, к феодальным уделам и схеме их очертаний. Особенно это важно при недостаточной детальности хроник, так как, например, точная схема уделов позволяет выделить еще не разделенную часть домена, проследить путь объединения страны (Вьетнам X – XI вв.).

Другая область исторической картографии – установление мест сражений. Данных по этому вопросу, как и по местам дислокации войск и маршрутам походов, много. Массовость данных позволяет установить некоторые частные закономерности – как географические, так и исторические. К первым можно отнести места, где неоднократно происходили крупные битвы (горные проходы, долины и т.д.), или просто места, где тогдашняя стратегия и тактика делали битвы наиболее вероятными. Исторические закономерности говорят об исторически сложившихся районах, куда монархи той или иной эпохи чаще всего уходили собирать войска после поражений и т.д.

Особая область исследования – списки зависимых территорий или областей государства. Сопоставление разновременных списков и идентификация отдельных территорий – чрезвычайно важная работа, почти всегда выполняемая только историками и по мелкомасштабным административным картам. Тщательное ее выполнение, как показала работа над списками двух индонезийских средневековых источников, дает ценные сведения по социально-экономической и политической истории.

Более детальная информация такого же рода, например, о цехах и рынках Вьетнама (VI – XVIII вв.), позволяет получить и более конкретные исторические выводы (в данном случае – выявление провинции-производителя и провинции-покупателя, о чем ранее почти ничего известно не было). Интересна связь размещения рынков у границ Вьетнама с расположением этноса-покупателя ремесленной продукции (тай) и этноса – ее продавца (китайцы). Здесь по карте можно судить о характере торговли. Другие данные позволяют внутри этноса определить активную в торговом отношении территорию и общее направление торговли.

С рынками и цехами связана более общая проблема – изучение точечных центров, т.е. населенных пунктов. Схема распространения в стране городов, их отношение (на карте) к деревням, контрастные зоны плотности городов в стране, место столицы – все это благодарный материал для исследования. Сопоставление географических данных о столице, ее размерах, торговых путях Вьетнама показывает, что к этой стране полностью применима мысль К.Маркса об азиатской средневековой столице как абсолютном центре государства, не имеющем крупных городов-конкурентов.

Карты торговых путей, торговых центров и объектов торговли стоицею вознаграждают историка-картографа за трудности их составления. Но здесь очень

важны принципы выделения единиц, от которых во многом зависят и исторические выводы. В этом случае, как и почти везде для древности и раннего средневековья (а часто – и развитого), очень важны неискаженные данные археологии. Они порой дольше сохраняют значение для исторической картографии, чем для остальной истории, так как всегда точно указывают местонахождение торгового города и т.д.

В картах по торговле возникает с особой силой довольно распространенная тенденция – неоправданные ретроспекции. Никакие карты так не страдали от неоправданных аналогий, как карты торговых путей. Только широкие сопоставления с зонами культурных влияний, с этническими областями, с физико-географическими районами, с палеоботаническими картами и т.д. могут дать основу для восстановления и «линейных» показателей – путей торговли.

В заключение несколько слов о работе над комплексными историческими картами, наметившей два вида историко-картографических исследований. Общие исследования приводят к созданию справочных общеисторических и частных карт, сопровождающим текстом последних служит практически только лаконичная легенда. Конкретные исследования, в которых неразрывно связаны география и история, завершаются созданием новых аналитических карт и написанием соответствующих исследований, неотъемлемых от этих карт.

Что дают справочные общеисторические карты читателю, в первую очередь специалисту-историку?

Первое – общее описание исторического процесса через одно из его проявлений – движение в пространстве. Каждая карта – обобщение широкого плана, хотя и в специфической области; конкретность исторической картографии в значительной степени устраняет субъективизм.

Второе – общеисторические карты дают богатейшее поле для размышлений и сопоставлений по многим еще нерешенным проблемам (периодизация, культурные центры и их периферия и пр.). Так, карта северных берегов Южно-китайского моря показывает, что лишь в XI в. китайская империя фактически приблизилась к северным границам Вьетнама, а до этого рассматриваемые районы к северу от вьетнамской границы были малонаселенным краем, лишь номинально входившим в империю. И именно в это время, в XI в., вьетнамские феодалы начали более решительно бороться с китайской империей, ставшей реальной угрозой для стран ЮВА.

В периодизации истории ЮВА важную роль играет XIV в.; время крупных социальных потрясений. И карта по-своему говорит о том же: о перемещении племен,

восстаниях крестьян, неустойчивости границ, меняющихся названиях, распаде одних государств, объединении других. Причины не всегда очевидны, но неустойчивость – налицо.

Третье – картографировав свои данные, историк получает некоторый итог своих трудов, итог, подведенный с учетом объективного критерия – карты и картографических методов. И тут выявляются недоделки, несовпадения выводов, а также районы и эпохи, история которых слабо документирована. Для определения периодов и районов, которые надо исследовать в первую очередь, чтобы получить общую картину, общеисторическая карта описанного типа не только необходима, но может быть представляет один из самых экономных путей выявления недостаточно изученных вопросов.

Четвертое – карта позволяет перейти от оперирования странами, долинами, городами, плоскогорьями к оперированию развитыми и отсталыми районами, густо и слабозаселенными зонами и т. п. А отсутствие такого перехода чревато неправомерными обобщениями. Принципиально различно понимание для разных веков таких формулировок, как «Камбоджа напала на ..» или «в Камбодже произошло...», когда известно, что для Камбоджи VII в. местом, где происходили все основные события, был юг, а в VIII – IX вв. – север (при тех же в принципе общих очертаниях страны). Другой пример - если наложить карту распространения древних надписей той же Камбоджи на карту рисопроизводящих районов, то выяснится, что расцвет империи начался после захвата второй, западной рисовой житницы современной Камбоджи, и т.д.

Пятое – карты дают ни с чем не сравнимый материал для сопоставления различных стран по таким своеобразным критериям, как равномерность распределения городов, возможно даже равномерность распределения мест сражений на территории страны и т.д. Дело в том, что факты политической истории (а то или иное распределение мест сражений – факт политической истории) не случайны, они социально-экономически обусловлены, хотя не всегда сейчас мы можем их интерпретировать. Примером таких оценок может служить карта Сиама с древних времен до XV в. В течение всего этого времени места, где происходили основные события, сосредоточены в центре страны – наиболее развитом ее районе. Единственный период, когда событийная нагрузка гуще на севере, – это XIII – начало XIV вв.; это произошло за счет процесса возникновения на севере многих недолговечных тайских княжеств. Затем картографическая нагрузка на севере редет,

сохраняясь только у города Чиенгмая: процесс завершился, север получил своего лидера (Чиенгмай), и он ведет борьбу с центром. Совершенно иной характер имеет распределение нагрузки в то же время для Вьетнама, где существовал постоянный центр на севере и происходило медленное расширение вьетнамской территории к югу, без возникновения конкурирующего южного центра. Такие сопоставления, элементарные на первый взгляд, редко делаются даже специалистами.

В целом историческая карта, по нашему мнению, строится на анализе тех возможностей и ограничений, которые накладывает распределение на местности физических, экономических, социальных и этнических условий на ход того или иного исторического процесса или даже просто войны определенного типа (например, с кочевниками в различных географических, этнических, экономических и политических условиях). Определенные исторические процессы, как известно, имеют столь же определенные особенности географического размещения. Те или иные события истории – результат общих тенденций развития общества в их конкретном преломлении в конкретной среде. И познание процесса этого преломления во многом связано с исторической картографией – неотъемлемой частью марксистского исторического исследования.

Опубликовано в: Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1973. №2. С. 33–44.